

на нас
вечером

"Ships that pass in the night"

мен грехи
Сарава с
менть и
голомель
фрагмо у
алие. Фир
в нем
лоченый к
Ромбо а
манковен
и правлен
издан 2
карамень
акон европ
и, Эгаралн

1892 г. в Сербском Море
вечером, м
Во мнел на
Корнури, уран
мнел абетанов
в гарсе, по
мнел мнбуго м
вмел мн
нае Кат
мнел ево
во мнмн
но, в Кам
ерго. Знак
М. Н. Кар

на ей над
кавл
вон

Наследие

Генеалогия культуры

С.И. Огнёва о семье Флоренских

Из примерно ста лагерных писем священника Павла Флоренского до нас чудом дошли почти все. К кому же, помимо близких, обращался он в эти годы, кому, кроме жены, детей, матери, хотел поведать о своей дружбе, дружеском участии? Таких имен совсем немного, а еще меньше прямых обращений – он слишком ценил место на странице для каждой строчки, обращенной к своей семье.

Среди этих немногих – С.И., София Ивановна Огнёва, Софья Ивановна, единственный человек, привет которому он просит передать из письма в письмо, вплоть до последнего дошедшего до нас, которому он присвоил 103-й номер.

А вот проникновенные строки, посвященные Александру Ивановичу Огнёву¹, старшему сыну Софьи Ивановны:

«Часто вспоминаю А.И. Как много тем накопилось для обсуждения – о водорослях, мхах, болотах, ледниковых образованиях, древнейших породах мира, реликтовой флоре, северных сияниях и т.д. Если бы он был жив, то, думаю, мы делали бы эти наблюдения вместе. А.И. был единст-

¹ Александр Иванович Огнёв (1884–1925) – философ, натурфилософ, доцент Московского и профессор Ярославского университетов. Будучи студентом естественно-го отделения Московского университета, с третьего курса перешел на философское отделение филологического факультета, которое закончил с золотой медалью. В 1922 году вышла из печати его монография «Лев Михайлович Лопатин». В настоящее время А.И. Огнёв «переоткрыт» российскими философами, которые обращаются к феноменологии.

венный человек, с которым вопросы общей натурфилософии я мог бы обсуждать в полный голос, остальные же все способны понимать лишь какой-нибудь отрезок мира, но не чувствуют ни малейшего интереса к картине мира в целом».

Здесь в нескольких строчках столь резко подчеркнута отношение к Александру Ивановичу Огнёву, что становится очевидно: ушедший собеседник, друг – лицо поистине замечательное, неординарное, «необщего выраженья».

И еще. От письма к письму Флоренский настойчиво выясняет, что же случилось с «Воспоминаниями»: «Кланяйся также С.И., пожелай ей здоровья и спокойствия. Скажи, что я всегда вспоминаю о ней с душевной теплотой и был бы очень рад получить сюда экземпляр ее “Воспоминаний”, когда он появится на свет из печати. Боюсь только, что она сильно сократила “Воспоминания” и тем их подпортила» (8 февраля 1935 г.).

Взаимоотношения семей Огнёвых и Флоренских – особая, еще не изученная сколько-нибудь

детально страница истории русской интеллигенции, московской университетской среды. Коснемся ее вкратце.

Софья Ивановна Огнёва (1857–1940), урожденная Киреевская, – жена профессора Императорского университета Ивана Флоровича Огнёва. Летом 1919 года, когда в Москве жить было все тяжелее, семья Огнёвых решила переехать в Сергиев Посад. Поначалу они чувствовали себя достаточно одиноко, но в какой-то момент на пороге дома появился Павел Александрович. Знакомство с ним переросло в глубокую дружбу. Сохранилось удивительное свидетельство этой дружбы, точнее, глубокого внутреннего сродства, – строки, обращенные Павлом Александровичем к Ивану Флоровичу. «Ваша личность во многих отношениях так сплетается в моем сознании с впечатлениями от личности моего покойного отца (Александра Ивановича Флоренского. – Прим. публ.), что и в чувстве своем я не умею провести там и тут резкой границы» (8 июня ст. ст. 1920 г.).

Иван Флорович Огнёв (1855–1928) – в 1920-е годы директор Гистологического института Московского университета. Будучи крупным специалистом в различных областях гистологии (его диссертация была посвящена изучению ретины – сетчатой оболочки глаза), интересовался в то же время вопросами философии и натурфилософии, публикуя, в частности, статьи в журнале «Вопросы философии и психологии».

Предки Софьи Ивановны были в родстве с другой линией Киреевских, которой принадлежали известные славянофилы братья И.В. и П.В. Киреевские. Детство Софьи Ивановны прошло в условиях патриархальных в имении в Орловской губернии, но затем она попадает в Москву к тетке, где постепенно благодаря живой и активной натуре знакомится со многими интересными людьми. Среди ее собеседников профессора Московского университета, известный педагог Л.И. Поливанов, философ Владимир Соловьев. Встречается она и со Л.Н. Толстым. В Иване Флоровиче, с которым она связала свою жизнь, ее поразили большой ум, особая серьезность и цельность натуры при детской ясности и чистоте души. В их семье родилось трое сыновей – Александр, Сергей и Владимир.

Описать, какой была Софья Ивановна, непросто, но, к счастью, замечательный портрет матери дал Сергей Иванович Огнёв в предисловии к ее воспоминаниям (о них речь впереди):

«Молодость, время лучших стремлений человеческой души, не испытавшей жизненных разочарований, не столкнувшейся с темными сторонами окружающего; молодость, когда все люди кажутся добрыми и хорошими, когда зло с его завистью, интригами и ложью представляется каким-то до-

Профессор Иван Флорович Огнёв. 1914

Софья Ивановна Киреевская в молодости

садным исключением, когда вся душа стремится к добру и правде, счастливая молодость – какое достижение, когда она живет в душевном складе человека и в последующие годы его жизни! У таких людей натура обычно оптимистическая, характер склонен к веселости, прочие люди кажутся зачастую лучше, чем они на самом деле. Жизнь невольно представляется через розовые очки. Такова была и натура моей матери: ее душа была вечно молода. Мне вспоминается, как одна девочка на вопрос моей тогда сильно пожилой матери, к какой возрастной категории ее можно отнести, сказала: “вы, знаете, вы... пожилая молодежь!” Часто мать терпела на этой почве разочарования, часто знакомый человек, поступки которого толковались хорошо, оказывался совсем иным – все это не столь существенно: жизнь неминуемо приносит разочарования независимо от склада той или иной натуры. Существенно и важно одно: люди, даже плохие, приходя в соприкосновение с С.И., подтягивались, старались показать лучшие стороны своей натуры... <...>

Ее живая натура обладала умственным складом, который В.О. Ключевский в одном из своих глубоко талантливых исторических очерков

характеризовал “умным умом”. Обладатели его имеют большую чуткость натуры и душевный такт, они “умеют слушать” своего собеседника и давать ответы, благодаря своей интуиции, глубокие по существу; они быстро схватывают настоящую суть дела, они находчивы и часто поражают верностью своих суждений, иногда резких, полных юмора и блеска. Таков был умственный склад моей матери. <...>

Она была глубоко русская натура, всей душой любившая Россию. Интересно указать, что покойный профессор А.П. Богданов, собиравший этнографические типы лиц, попросил у моего отца фотографический портрет С.И. как очень характерный тип чисто русского лица.

С определенного момента Софья Ивановна стала помогать Павлу Александровичу. Любивший устно, свободно излагать свои мысли, он надиктовывал ей очередной фрагмент той или иной своей работы. Рукой – буквально – Софьи Ивановны написаны «Иконостас», некоторые главы воспоминаний «Детям моим» и другие работы П.А. Флоренского 1920-х годов. Отдавая должное неординарности Софьи Ивановны и ее стремлению понять семью Флоренских, Павел Александрович писал в одном из обращений к ней с Соловков: «Часто вспоминаю Вас, и, по правде сказать, постоянно к этому воспоминанию примешивается горечь о недоброкачественности общества, в котором вы находитесь (или “лись”?), и о Вашем неумении (или нежелании) разбираться в людях. К сожалению, говорить с Вами об этом бесполезно, очевидно не исправитесь. Будьте здоровы и веселы. Продвигайте литературные занятия» (29 октября – 7 ноября 1936 г.).

Во время подготовки нового издания лагерной переписки П.А. Флоренского о существовании публикуемого здесь «Отрывка из “Воспоминаний”» Софьи Ивановны нам известно не было. Почему? Это не могло быть случайностью, тем более что написан он был в года, казавшиеся достаточно безопасными, и близость семей была велика и не ослабевала и позже. Дело, возможно, в другом. Написанное ею слишком жестко, определенно, поэтому на неокрепшую личность могло подействовать гипнотически, закрепощая ее. «Отрывок» ставит человека на определенные рельсы, которые все равно будут чувствоваться из-под покрывающей их почвы. Скорее всего, по мысли П.А. Флоренского, этот текст не должен был стать известен близким, и он скрыл его и вернул автору, оберегая родных от столь определенно очерченного будущего. Тогда понятно, почему Софья Ивановна не передала рукопись в семью позже, хотя и после ареста П.А. Флоренского бывала в его доме чуть ли не ежедневно.

1936. I. I. Соловки. Дорогая Софья Ивановна, приношу Вам свое поздравление с наступившим Новым годом и пожелаю, чтобы Вы не поддавались болезням, Вас преследовавшим в прошлом году. Часто вспоминаю Вас. Ничего не знаю о Вашей дальнейшей судьбе Вашей книги. Печатается ли она? Мне так хочется видеть Ваши воспоминания закрепленными типографской краской, это я готов...

В поисках архива С.И. Огнёвой

Так что же случилось с воспоминаниями Софьи Ивановны Огнёвой, существуют ли они? Именно этот вопрос возник в числе прочих. И где их искать? Где архив Софьи Ивановны?..

Звонок. Давний знакомый, зоолог Николай Формозов, зная мой интерес к отечественным художникам-анималистам, говорит, что у Елены Петровны Крюковой хранятся замечательные рисунки В.А. Ватагина, не вошедшие в многотомный труд Сергея Ивановича Огнёва «Звери СССР и сопредельных стран», что у Елены Петровны – архив С.И. Огнёва, ведь она племянница его жены Инны Евграфовны...

Но... если у Елены Петровны архив одного из сыновей Софьи Ивановны, нет ли там же и ее архива, и заветных воспоминаний? Николай помогает мне связаться с Еленой Петровной. Звоню. – «Да, конечно, они у меня. Приезжайте».

Через несколько дней я в гостях. Но прежде, еще до встречи, я прошу Елену Петровну переслать мне фотографии Александра Ивановича и его матери.

Она высылает их мне. А позже в моих руках оказывается первая замечательная находка – копия фрагмента с обращением Флоренского к Софье Ивановне, не вошедшего в лагерный том его писем:

«1936. I. I. Соловки. Дорогая София Ивановна, приношу Вам свое поздравление с наступившим Новым годом и пожелаю, чтобы Вы не поддавались болезням, Вас преследовавшим в прошлом году. Часто вспоминаю Вас. Ничего не знаю о дальнейшей судьбе Вашей книги. Печатается ли она? Мне так хочется видеть Ваши воспоминания закрепленными типографской краской, что я готов даже не протестовать против некоторого сокращения их, как ни прискорбно оно само по себе. Только вот жаль, что не могу принять участия в подборе гарнира к Вашему кушанью – иллюстраций и примечаний, гл[авным] обр[азом] генеалогического характера. Очень печально известие о болезни Вашей невестки.

Ваши недомогания и прочие слабости, полагаю, от перехода или на переходе к новому состоянию равновесия, в котором, надеюсь, Вы будете пребывать затем долгое время. Пишете, что страдаете

Александр Иванович и Владимир Иванович Огнёвы в гостиной квартиры Огнёвых в университетском доме в Шереметьевском переулке (позже – ул. Грановского, теперь – Романов пер.). Фотография С.И. Огнёва. 1914

Ваши невоможности и прочие слабости, полагаю, от нуркова или на нурковские, по волеу состоянию нурковских, в котором, надеюсь, на будущее предвидать уже, долгов время. Пишете, что страдаете слабостью зрения, а потому не можете читать по-прежнему. Ваше положение сходно с моим: я почти не читаю, лишь случайные книги и урывками: нет книг желаемых и нет времени, весь день занят, а вечером (да и вообще круглые сутки) я даже на минуты не могу быть один. Это всегдашнее пребывание в обществе, вечная невозможность быть с самим собою, рассеяние чувств и мыслей очень утомительно, особенно для меня, всегда не выносившего общества, и потому я очень устал и опустошен, глупею со дня на день и впадаю в безразличие. Будьте здоровы и бодры.

Всегда помнящий о Вас и постоянно вспоминающий Алекс. Ив-ча П. Флоренский».

И вот передо мной две большие картонные коробки с архивом Софьи Ивановны и частично – ее сына Александра Ивановича. Вот объемная машинопись ее мемуаров «Полвека моей жизни», которые готовил к печати Сергей Иванович Огнёв. Фрагменты из написанного им предисловия процитированы выше. А вот два «фолианта» – своего рода амбарные книги – с рукописью этих воспоминаний.

Сергей Иванович Огнёв (1886–1951) – личность поистине легендарная². Он не только основоположник отечественной териологии – науки о млекопитающих, автор книг о природе, увлекших не одно поколение подростков, но еще и удивительный пример стойкости и преданности науке, достоинства. Во время бомбежек Москвы он вместо того, чтобы спешить в убежище, запирался в фотолаборатории и продолжал работать. Поистине замечательна его преданность родителям. В 1944 году он издал книгу об отце, а в 1948-м вышло ее второе издание, но в этот момент грянула печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ. Чудом удалось сохранить лишь несколько экземпляров из уничтоженного тиража. Ссылки в машинописи воспоминаний Софьи Ивановны на издания, вышедшие в конце сороковых, свидетельствуют о том, что он их готовил перед самой смертью – Сергея Ивановича не стало в 1951 году. Все знавшие его переживали эту смерть как тяжелейшую утрату.

Листая страницы подготовленной машинописи, в первую очередь хочется узнать, что написала Софья Ивановна о Павле Александровиче Флоренском. Подробнейшим образом описаны жизнь и быт московской университетской профессуры, замечательна глава, посвященная детству сыновей... И вот – нестыковка, причем, печально понятная:

описано детство двух сыновей, а имя третьего, Владимира, даже не упомянуто (после Гражданской войны он эмигрировал в Сербию с Добровольческой армией и вернулся на родину лишь в середине пятидесятых годов). Вероятно, Сергею Ивановичу пришлось серьезно отредактировать текст воспоминаний, чтобы их публикация была возможна. Впрочем, это пока предположения. Просматривая два рукописных фолианта, сразу понимаешь: почерк Софьи Ивановны в этих черновиках, написанных для себя, весьма труден для беглого прочтения...

Павел Александрович Флоренский. На обороте: «Да будет стыдно владельнице этой карточки!» 1924.II.24 (из архива С.И. Огнёвой)

И вот новая неожиданная удача. В начале каждого переплетенного фолианта – след руки П.А. Флоренского. Первый открывается торжественной записью: «Воспоминания Софии Ивановны Огнёвой. 1920. XII.30 (то есть 30 декабря, так как Флоренский при датировке обычно первым указывал год. – Прим. публ.)». А на первых страницах другого можно про-

² С.И. Огнёву посвящены замечательные воспоминания В.Е. Флинта и В.И. Осмоловской в сб. «Московские териологи» (М., 2001. С. 460–479).

Александр Иванович Огнёв. Рисунок Г. Трифуновича. Бумага, карандаш. 1904

честь: «Дорогой Софье Ивановне Огнёвой с заказом поскорей заполнить эти листы. Священник Павел Флоренский. Вторник, 17 августа 1921 года».

Похоже, Павел Александрович буквально организовывал и стимулировал работу своей знакомой, ставшей его другом и добровольной помощницей. Поэтому судьба собственных воспоминаний Софьи Ивановны так волновала Павла Александровича.

К датам, совсем не случайным, указанным здесь П.А. Флоренским, мы еще вернемся.

Беглый просмотр фолиантов с рукописями воспоминаний не позволяет заметить с ходу что-либо, касающееся семьи Флоренских. И все же не могла Софья Ивановна, столь тесно общавшаяся с Павлом Александровичем, не оставить о нем ни строчки. Может, в двух коробках ее архива найдется что-нибудь еще?

На дне одной из них оказалась небольшая папка – в таких, похожего размера, я когда-то носил в школу тонкие тетрадки. Раскрываю. Разные бумаги. Листки с черновиками, записями, а вот красноватого цвета тетрадь с плотной обложкой и прошитая, без плотной обложки самодельная тетрабочка. Листаю. Вначале эпитафия на английском... Затем: «Прошло несколько секунд – в соседней комнате появилась незнакомая фигура, тонкая, гибкая, в черной

Сергей Иванович Огнёв. Рисунок Г. Трифуновича. Бумага, карандаш. 1904

одежде священника. Я тотчас же догадалась, что это был св[ященник] П.А. Флоренский». Впрочем, не буду предвирать знакомство с этим замечательным произведением. Отмечу лишь, что это одно из наиболее глубоких и проникновенных воспоминаний о Павле Александровиче Флоренском и его семье. А вот, в самом конце, приписка, и снова его рукой:

«Эти воспоминания о нашей семье написаны Софьей Ивановной Огневой летом 1920-го года по моей просьбе, для моих детей и прочтены мне 28-го декабря 1920 года (по старому стилю) у меня в кабинете, вечером, после чего Софья Ивановна подарила мне самую рукопись.

Священник Павел Флоренский».

Обратите внимание: два дня спустя Павел Александрович вручил Софье Ивановне первый «фолиант» для заполнения его рукописью воспоминаний.

Листаю и сравниваю обе тетрадки – в толстой обложке и самодельную. Текст практически идентичен. Почему? Павел Александрович пишет, что рукопись ему была подарена. Но почему же она вновь оказалась в архиве автора воспоминаний?

Так или иначе, но они, похоже, пролежали невостребованными около 80 лет. Елена Петровна Крюкова передала несколько копий небольших фрагментов текстов, написанных рукой Павла

Александровича Флоренского, в том числе его рецензию на одну из статей Александра Ивановича, записку, связанную с вручением А.И. Огнёву книги П.А. Флоренского «Мнимости в геометрии»³, и еще один листок машинописи, примечательный настолько, что стоит его процитировать целиком:

«Александр Иванович Огнёв.

Основные свойства ума его (речь не идет об его характере): деликатность и нежность, вдумчивость, тонкость, осторожность, широта, терпимость, устойчивость в раз усвоенном. Этим качествам соответствуют и связанные с ними отсутствия: парения, дерзости, склонности к риску и способности сузить свой кругозор, чтобы дойти до режущей остроты и прямолинейности. Как черта приходящая и не существенная м[ожет] б[ыть] отмечена некоторая брезгливость ума. В общем, ум этот имеет равновесие начал логического и эмоционального, при сравнительной слабости начала волевого, – повторяю: в уме, а не характере, о каком ничего не говорю.

Названными свойствами определяются и возможности проявления. Отрицательно: таковому уму не свойственна чистая метафизика, которая требует преобладания эмоциональности и темперамента, затем дерзости, склонности к риску и парения ума; несвойственна и чистая научность, требующая прямолинейности, узости, остроты и преобладания логичности. Положительно: такому уму свойственна область промежуточная между наукой и философией, но предполагающая широкие познания и тонкую критичность, но не выработку совсем нового, – полу-конкретность и полу-абстрактность.

Ум этот издает звук осиный.

1920, IX, 30. П. Ф.».

Этот фрагмент интересно сопоставить с воспоминаниями Софьи Ивановны, в которых она дает

портреты самого Павла Александровича и членов его семьи. По сути, это обмен подобными портретами, причем нельзя исключать, что Павел Александрович описал из Огнёвых не только Александра Ивановича. Может быть, в будущем найдутся и другие записи? Замечательна своеобразная рифма, связующая два текста:

«Юные члены семьи издают звук воробьиный» (С.И. Огнёва).

«Ум этот [А.И. Огнёва] издает звук осиный» (П.А. Флоренский).

Написано это в один год, причем Софья Ивановна написала раньше – летом. Она, по всей видимости, прочла свои записи Павлу Александровичу, а уже в декабре подарила копию. Интересно и другое – воспоминания «Детям моим» Флоренский завершал в первой половине 1920-х годов, диктуя их Софье Ивановне. Генеалогическая тема звучит в тех и других. С.И. Огнёв в предисловии к подготовленным к публикации воспоминаниям матери немало внимания уделяет теме, которую можно обозначить как *генеалогия культуры*, – теме московской университетской среды разных поколений и отражению ее в книгах.

Конечно, замечательная находка будит множество мыслей и намечает пути дальнейших поисков и исследований. Но это тема уже новой статьи.

Вскоре Елену Петровну Крюкову я посетил уже вместе с Павлом Васильевичем Флоренским, и рукопись наконец-то попала в ту семью, для которой воспоминания и были написаны. Хотелось бы выразить самую искреннюю признательность Елене Петровне. И еще – пожелать ей сил, энергии и удачи в публикации книги воспоминаний Софьи Ивановны Огнёвой, которую так мечтал увидеть изданной Павел Александрович Флоренский.

А.И. Олексенко

³ Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М.: Поморье, 1922.

Сергиев Посад, лето 1920 г.

Отрывок из «Воспоминаний»

*Ships that pass in the night
and speak each other in passing,
Only a signal shown,
and a distant voice in the darkness;
So, on the ocean of life
We pass and speak one another,
Only a look and a voice,
Then – darkness again and a silence...
Longfellow. Ships that pass in the night...¹*

Э то было летом 1919 года в Сергиевом Посаде, куда я с семьей, с мужем и сыном, только что переехала из Москвы. До тех пор я жила в своей московской квартире, уютной и нарядной, в привычной милой обстановке, где каждая вещь была мне дорога, потому что связана была с каким-нибудь милым воспоминанием, и где мне жилось так удобно, хорошо. Судьба, до тех пор нас как-то щадившая, и на нас наложила свою тяжелую руку. Мы должны были все покинуть и перебраться в новое место, в котором все мне было незнакомо и чуждо. Знакомых людей не было, была семья П.Н. Каптерева² – товарища моего старшего сына по деятельности на кафедре философии. За последнее время вся наша семья близ-

Фрагмент титульного листа самодельной тетрадки, в которую С.И. Огнёва переписала воспоминания для П.А. Флоренского

ко с ним сошлась, он часто бывал у нас и, видя, что нам все труднее и невозможнее делается жить в Москве, уговорил переехать в свой родной Посад и помог нам на первое время найти квартиру с полной обстановкой, что было необходимым условием переезда, так как вещей своих мы переправить туда не могли. Мы недолго размышляли над этим чрезвычайно важным вопросом, решили круто порвать с прошлым и около половины июля очутились в довольно красивом, больше похожим на курорт, чем на уездный город, Посаде, на тихой улице, в невзрачном, словно карточном доме, типичном для уездного города, в квартире выехавшего на лето в деревню профессора И.В. Попова³. Обстановка была совсем мне непривычной: все, не-

¹ Корабли, что проходят в ночи, говорят меж собою в движеньи:
Только вздохи и голос далекий во тьме в это время мы слышим.
Так и мы в океане, зовуемся «жизнь», проплываем,
Говоря меж собою в движеньи... И все, что мы знаем, –
Только голос и взгляд. А затем – снова тьма и молчанье.

Г.У. Лонгфелло. Сказки придорожной таверны. Пер. с англ. А. Руднева.

² Павел Николаевич Каптерев (1889–1955) – преподаватель естествознания, ученый. Магистрант Московского университета. Сын Н.Ф. Каптерева, близкий друг П.А. Флоренского. Один из организаторов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Арестован в 1933 году. Сослан на Дальний Восток, где с П.А. Флоренским работал на Сковородинской опытной мерзлотной станции. Изучением мерзлоты занимался и впоследствии.

³ Иван Васильевич Попов (1867–1938) – богослов, церковный историк, профессор патрологии Московской духовной академии; автор ряда трудов и учебников; член Поместного собора 1917–1918 годов от Московской духовной академии. С 1907 по 1923 год (с перерывами) преподавал в Московском университете. В 1919 году обратился в Совнарком с протестом против планов властей изъять мощи преподобного Сергия из Троице-Сергиевой лавры. Неоднократно подвергался репрессиям. В 1925–1927 годах находился в заключении в СЛОНе. С 1928 по 1937 год (с перерывом) – в ссылке. 9 октября 1937 года арестован, 8 февраля 1938-го расстрелян в г. Енисейске Красноярского края. Причислен к собору новомучеников и исповедников России определением Святейшего синода Русской православной церкви 30 июля 2003 года. О нем см.: Голубцов С.А. Стратилаты академические. М., 1999. С. 171–217.

*Дом, в котором жили Огнёвы в Сергиевом Посаде в 1920-х гг.
Фотография П.В. Флоренского. 1970-е гг.*

красивая мебель, вязанные крючком салфетки на столах, безвкусовые случайные вещи, расставленные всюду в виде украшений, расставленные по столам альбомы с совсем незнакомыми мне лицами, все было чужое, не свое, не интересное. С собой у меня не было ничего, чтобы мне напоминало о прошлом, да я и не хотела этих напоминаний, слишком они мне еще были тяжелы.

Мы жили тихо, уединенно, бывали только у Каптеревых; через некоторое время однако съехались кое-какие бежавшие от тяжелой московской жизни знакомые, – первое же время единственным и большим для меня удовольствием были прогулки с сыном по красивым окрестностям Посада. Тут я могла насладиться давно не испытанным удовольствием дышать воздухом полей и лесов.

Еще глубокое и сильное впечатление произвела на меня сама лавра, с ее собором, величественным и стильным, с его благоговейной тишиной, в то время еще так дерзко не нарушенной, с его звоном, таким могучим и красивым, с которым мало что может сравниться по силе впечатления, с черными живописными фигурами монахов, величественнодвигающихся по каменным дорожкам, соединяющим между собой храмы. Все это давало совсем новое, непривычное настроение, хотелось уйти под темные, местами только освещенные сквозь окно яркими лучами летнего солнца своды Троицкого собора, там искать душевного успокоения и отдыха от всего, что приходилось переживать.

Я начала понемногу привыкать к этой новой жизни, приспосабливаться к ней. Прошлое как

*Н.Я. Симонович-Ефимова. П.А. Флоренский в своем кабинете.
Холст, масло. Собрание семьи Ефимовых*

бы стало отходить вдаль, закутываться дымкой забвения.

Неожиданно в нашу монотонную жизнь с силой ворвалось что-то новое, что дало ей новые краски, новый интерес, открыло новые перспективы.

Однажды среди дня я сидела с мужем в его комнате, мы о чем-то разговаривали, послышался в передней звонок. Прошло несколько секунд – в соседней комнате появилась незнакомая фигура, тонкая, гибкая, в черной одежде священника. Я тотчас же догадалась, что это был св[ященник] П.А. Флоренский, о котором я уже имела некоторое понятие. Летом 1918 года, живя у себя на даче в Можайском уезде, я, совсем не зная его, получила от него письмо. Он узнал от Каптерева, что я пишу свои воспоминания, а так как, как я впоследствии узнала, он любил этот род литературы, он заинтересовался моей работой и написал мне, прося сказать ему, что собственно я пишу, нельзя ли использовать мои записки, напечатать их как биографический материал, касающийся семейства, из которого я происхожу, – Киреевских. Мне было немножко досадно, что К. легкомысленно разболтал то, о чем я ему совсем между прочим сказала, не придавая моей работе ни исторического, ни литературного значения. Мне стало даже совестно, что из такого ничтожного дела что-то вышло. Я немедленно ответила П.А. Ф., выразив в письме сомнение, что едва ли мои воспоминания могут представлять какой-нибудь литературный интерес, так как они вовсе не касаются той линии Киреевских, которая могла бы его интересовать (я разумею, конечно, славянофилов Киреевских), что они носят чисто личный характер. На этом кончилась наша переписка, и с тех пор я о нем ровно ничего не слыхала. Теперь, узнав о том, что мы поселились в Посаде, он зашел к нам, и мне предстояло лично с ним познакомиться. Постараюсь передать первые впечатления, которые я от него вынесла: я сказала, что в соседней комнате появился кто-то, нам незнакомый. Именно, он не вошел, а появился, словно возник. И впоследствии, когда я стала часто его видеть, впечатление это не изменилось, а как будто еще усилилось. Он всегда как-то вдруг появлялся, словно видение; иногда видению предшествовало звуковое ощущение – легкий шелест. Первое, что невольно бросалось в глаза, это его крайняя, совсем исключительная застенчивость, еще более увеличивающаяся от его сильной близорукости. Появившись, он некоторое время, довольно долго, стоял посреди комнаты, с низко наклоненной головой, с опущенными глазами, которые он долго не решался поднять. Вся фигура его несколько наклонена вперед, слов-

но несущаяся, походила на падающую линию. Тип лица нерусский: узкое продолговатое лицо, обрамленное небольшой темной бородой, крупный восточного типа нос – на плечи спускаются темные, мягкие, вьющиеся волосы, глаз я не видала, могла различить только блестящие ободки очков. Мне стало делаться как-то не по себе, немного неловко. Наконец он поднял глаза, что, по-видимому, стоило ему больших усилий. Взглянул, и [с] первого же взгляда мне вдруг сделалось на душе ясно и хорошо, а с ним я почувствовала себя совсем просто, не смотря на то, что вся внешность его была далеко не обычна; было в нем что-то загадочное, таинственное, не похожее ни на кого из тех людей, с которыми мне до сих пор приходилось встречаться. Я сказала, что с первого раза почувствовала себя с ним легко и «совсем просто». В этом была отчасти моя ошибка, происшедшая гл[авным] обр[азом] от его застенчивости. Говорить с ним без робости и давать ему на суд свои мысли и чувства вовсе не так просто – впоследствии я много раз это чувствовала, – но на этот раз моя ошибка послужила мне ко благу, нечаянно, и [я] сразу взяла тот тон, который так и остался и кажется мне по отношению к нему наиболее верным.

Теперь, узнавши его ближе, я по временам робею, умолкаю <боюсь высказать свои мысли>⁴, но тон переменить уже не могу, да, думаю, и не надо.

Он заговорил: голос у него мягкий, несколько глухой, хотя иногда со звонкими нотами, но приятный. Некоторое время он говорил исключительно с моим мужем, потом обратился ко мне, разговор вскользь коснулся моих записок, и мы решили, что я, набравшись смелости, прочту их ему и П.Н. К[аптереву]. Мы этого не стали откладывать на долгий срок, и через несколько дней, вечером состоялось это первое чтение. Муж мой на это время уезжал в Москву, мы с сыном оставались одни. Чтение происходило в маленькой столовой, за чайным столом, при тусклом свете трехлинейной лампочки, наполненной маслом; для усиления света пришлось зажечь восковую свечу, которую тогда еще можно было достать в соборе. Было уютно, как-то по-семейному. Опять у меня появилось то же хорошее ощущение спокойствия и ясности, как и при первом взгляде на него, словно от него исходила какая-то для меня доброжелательная сила. Чувствовалось, что в нем живет интерес к прошлому, что корни и причины настоящего он ищет в этом прошлом, что давно отошедшие люди ему близки и понятны, что живые люди делаются ему интересны в связи с их прошлым, даже больше – с их предками, с их родом. Замечаний он сделал немно-

⁴ Неразборчиво.

го, но из этих нескольких замечаний я увидела, что он внимательно следил за ходом рассказа; они касались главным образом хронологического порядка изложения. Кроме того, он требовал точного указания собственных имен, порядка в их употреблении, названия местностей и т.п.

Мой незатейливый рассказ незаметно и для меня самой приобрел более цены и смысла, и это, конечно, дало мне большую радость и удовлетворение.

Посторонних разговоров, благодаря тому что большая часть времени ушла на чтение, было немного, но то, что мне пришлось услышать, произвело сильное и глубокое впечатление. Словно приоткрылась немного завеса, отделяющая тот таинственный и мистический мир, куда не всякая душа имеет доступ, а мы до сих пор и не искали его, и этот мир показался полным такой новой красоты, что мне неудержимо захотелось заглянуть в него.

Впоследствии, осенью, когда мы перешли на другую квартиру, он чаще стал к нам заходить, стал больше и охотнее говорить, и впечатление это увеличивалось.

Говорил он часто странные вещи, которые мне казались парадоксами, иногда загонял мысль в такой тупик, из которого обыкновенным путем выбраться было трудно, но я чувствовала, что надо было что-то над собой сделать, и тогда все станет ясно.

Он – прежде всего мистик; реальный мир для него не существует, он признает только мистическое начало, которое лежит в основании мира. Реальный мир так спутан с мистическим, что трудно найти границы, их отделяющие. Иногда, слушая его, я думала: что если считать, что все сплошь находится в мистическом движении, как же жить в этом мире чудес? Когда мы окружены злыми силами, нас на каждом шагу подкарауливающими, подслушивающими нас, подстерегающими каждое наше движение, как быть, когда реальных способов борьбы с этими силами нет или они кажутся недостаточными? Мне всегда казалось, что устойчивость мира, единообразие его всегда дает веру в закономерность явлений природы, в логическую зависимость следствий от причин. Отсюда и является спокойствие, уверенность, что стоишь на твердой почве. По мнению Павла Александровича, закономерность эта хоть и есть, но она гораздо сложнее и таинственнее: тут выступает другая сила, более ему понятная и более всего им признаваемая: Божий промысел, провидение, предопре-

деление. Иногда мы с сыном сетовали на какой-то туман, на чад, который по временам оставался в голове от таких разговоров с ним, но скоро я стала чувствовать, что без этого чада скучно и пусто; тянуло в эту страшную, таинственную область, стали надоедать «скучные песни земли»⁵. Разговор с ним непрестанно будил ум, но всегда тревожил, держал все струны натянутыми.

В нем несомненное преобладание гениальности над всеми другими способностями, что-то стихийное. У него громадная интуиция, талантливость, способность глубокого проникновения, но в некоторых областях недостаток формулирующей способности. У него широкий размах мысли, но мысль причудливая и капризная, так и искрится, бьет через край и не укладывается в строгие рамки (он сам как-то сказал, что раз высказанную мысль он даже не берет повторить). Хочется сравнить его и с Льв[ом] Мих[айловичем] Лопатиным⁶, у которого, при меньшем диапазоне мысли, именно поражает стройность формы и логичность, а при кажущейся простоте необычайно тонкая, можно сказать, ювелирная отделка языка. Невольно напрашивается он также на сравнение с Гёте: переразвитость в одном отношении и недостаток гармоничности отличает его от Гёте. У Гёте словно солнце светит, и блеск ровный, яркий; у Павл[а] Алек[андровича] – блеск мигающий, мерцающий, поэтому беспокойный, – то свет, то тьма. У Гёте поражает плодотворность мысли, каждая мысль дает рост новым мыслям, между тем трудно представить, во что бы развились и какой дали бы рост некоторые особенно оригинальные и, я все-таки скажу, парадоксальные мысли П.А. В суждениях П.А. много субъективного. Он импрессионист и уже в силу этого не может быть объективен. У него огромная интуиция, берет он все предметы в страшную глубину, но в известном аспекте; он смотрит на предмет с субъективной точки зрения и освещает его по-своему, сквозь призму своей личности (Культ), поэтому чем глубже он проникает в предметы, тем менее ясны и более произвольны их очертания. Он видит их один своим внутренним опытом, и для него они делаются символами. Для того чтобы вполне понять его, надо и другому принять на веру этот внутренний опыт и видеть предметы такими же конкретными, какими он сам их видит. Во всяком случае, это – загадка для ума, ключа от которой нет, так как она решается без философского анализа. (Возводя в принцип импрессионизм, он и не может быть объективен.)

⁵ Окончание стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ангел» (1831).

⁶ Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) – философ, психолог, профессор Московского университета, заведующий кафедрой философии; председатель Московского психологического общества (с 1899 г.) и один из редакторов журнала общества «Вопросы философии и психологии». Друг семьи Огнёвых. На его кафедре студент второго курса П.А. Флоренский прочитал в феврале 1901 года реферат «Учение Милля об индуктивном происхождении геометрических понятий».

*Павел Александрович и Анна Михайловна Флоренские в доме в Загорске.
Фотография В.П. Флоренского. Осень 1932 г.*

В нем утонченность доводится до переутонченности, до примитива. Иногда же в нем проглядывает даже что-то дикое, сказала бы, библейски жестокое (кровавые жертвоприношения), но тут, я думаю, не последнюю роль играет его кавказское происхождение и южная кровь. А может быть, и сама не понимаю еще этого и плохо разбираюсь в том, что мне не ясно⁷.

Иногда, пока я еще его не так близко узнала, мне казалось, что это гофмановская фигура, которая находится на границе между Добром и Злом. Чувствуется присутствие несомненной большой силы, и я с тревогой много раз себя спрашивала, добрая ли это сила, или злая. Теперь я в этом отношении покойна, для меня этот вопрос стал ясен раз навсегда.

Отмечу еще некоторые свойства, одни – относящиеся к его мысли, другие – к его личности. Мысль его как-то незаметно подчиняет, поработывает, хотя сам он решительно отрицает в себе деспотизм, но он есть несомненно, и это помимо его воли. Это признают все, с кем только приходилось на эту тему говорить. Он никогда ничего не доказывает, не допускает проверки своей мысли, он просто высказывает ее, и если вы сомневаетесь, он спокойно отвечает: «Как хотите, можете не ве-

рить, это Ваше дело». При этом он все-таки большой спорщик и спорит ожесточенно, но не желает стать на точку зрения того, с кем спорит. Иногда в нем просыпается какой-то задор, что я называю даже озорством, причем меткие слова его словно наносят вам удары. Свойство его личности, которое мне кажется особенно привлекательным, это его чрезвычайная правдивость (которая ему, мне думается, наделала немало неприятного в жизни) и огромная, непосредственная искренность, он говорит сразу, не колеблясь, только то, что думает, или вовсе ничего не говорит.

В нем полное отсутствие мелочности, мелкого самолюбия, но гиперестезия чувствительности ко всему низкому, лживому. Он может великодушно простить сделанное против него крупное зло, но совсем не переносит мелкой гадости и грязи. Тут он совершенно теряет самообладание, расстраивается чуть ли не до болезни, как-то весь съеживается, словно сам в чем-то виноват, и хотелось бы, чтобы он не так реагировал на людскую низость, более свысока смотрел на нее.

С этим новым знакомством жизнь в Посаде сразу приобрела смысл и интерес. Видеться с П.А., слышать его разговоры мало-помалу вошло в при-

⁷ Абзац написан карандашом, неразборчиво.

Оля Флоренская. Сергиев Посад.
1 июля 1922 г.

вычку, сделалось потребностью для всех нас. Муж мой, что редко с ним бывает, сразу почувствовал к нему симпатию и полюбил его. Сын мой с живым интересом вступал с ним в разговор, часто спорил и, по-видимому, крайне им заинтересовался, хотя споры эти почему-то всегда его слишком волновали и беспокоили. Много было точек, в которых они не могли сойтись, в силу крайнего различия их натур, один – крайний мистик, другой – умеренный рационалист.

Что касается меня, то я сразу почувствовала к нему большую симпатию и, со свойственной моей натуре стремительностью, вся отдалась этой симпатии. В душе зажегся тот живой интерес к его судьбе, страх за него, как иногда, правда, в очень редких случаях, пробуждается у меня к людям, мне почему-нибудь дорогим. Я в себе это чувство знаю и втайне люблю его, так как знаю, что оно хорошее, настоящее и дает душе совсем особую бескорыстную радость. Я почувствовала, что такой тонкой, чуткой, нервной, скажу больше – экзотической натуре грубая, жесткая действительность совсем не по силам, что ему с нею трудно бороться, трудно вынести всю массу лжи и унижений, которые выпали на долю наших культурных, выдающихся людей. Что же ему может помочь нести эту жизнь, какая у него семья, дает ли она ему хоть какой-нибудь оплот против бушующих вокруг нас всяких тревог, страстей и страданий? Ну, как ему и дома плохо? Какая у него жена? Какие дети? Вот вопросы, которые я часто себе задавала, глядя на него, и на которые так хотелось иметь ответ.

Ответ этот явился не так скоро. Уже осенью мне случилось в первый раз встретиться с женой П.А. и вот при каких обстоятельствах. У Каптеревых должен был играть свои музык[альные] произведения композитор С.Н. Василенко⁸. Нас позвали послушать его музыку. В числе приглашенных были Олсуфьевы⁹, Готье¹⁰ и Флоренские.

⁸ Сергей Никифорович Василенко (1872–1956) – русский и советский композитор, дирижер, педагог. В 1903–1905 годах – дирижер Московской частной оперы С.И. Мамонтова. В 1907 году организовал цикл общедоступных «Исторических концертов» и в течение десяти лет дирижировал ими. В том же году получил место профессора оркестровки и композиции в Московской консерватории, работал на этой должности (с перерывом) до самой смерти. Народный артист РСФСР (1940), народный артист Узбекской ССР, доктор искусствоведения.

⁹ Граф Олсуфьев Юрий Александрович (1878–1938) – специалист в области древнерусского искусства и реставрации, музейный деятель. Сын генерал-адъютанта и гофмаршала, позже управляющего придворной частью Московского Кремля. В марте 1917 года Ю.А. Олсуфьев с женой поселился в Сергиевом Посаде и принял участие в создании Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры (был заместителем председателя, главным хранителем ризницы). Вместе с П.А. Флоренским сохранил от надругательства честную главу мощей преподобного Сергия. Был одним из основателей научной реставрации икон, в частности, одним из руководителей реставрации рублевской «Троицы». С 1928 года работал в московских государственных реставрационных мастерских, а с 1934-го, после закрытия мастерских, возглавил секцию реставрации древнерусской живописи в Третьяковской галерее. Арестован 24 января, расстрелян 14 марта 1938 года на Бутовском полигоне.

Графиня Олсуфьева (урожд. Глебова) София Владимировна (1884–?), арестована в 1941 году и расстреляна на Бутовском полигоне, дата расстрела не известна. Жившая с ними племянница Екатерина Павловна Васильчикова (1906–1994), в монашестве Елизавета, – художник; в 1946 году вернула сохранившуюся в ее семье главу преподобного Сергия в Троице-Сергиеву лавру.

¹⁰ Юрий Владимирович Готье (1873–1943) – профессор по кафедре истории Московского университета, в 1919 году переехал в Сергиев Посад. В 1920-е годы руководил отделом истории России XVIII века в Историческом музее, до 1930 года был заместителем директора Румянцевского музея (впоследствии – Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина), подвергался репрессиям (1930–1933), член-корреспондент РАН (1922), академик АН СССР (1939). В 1917–1922 годы вел дневник (см: Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997).

Я вошла в большой светлый зал каптеревского дома и справа, у окна, из которого открывается вид на Вифанку, увидела сидящую в креслах молодую женщину; на коленях у нее сидел хорошенький мальчик лет восьми-деяти. Оба от времени до времени поглядывали в окно, словно кого-то поджидали. Оказалось, это были жена и сын П.А. Нас познакомили. Ко мне встала навстречу среднего роста стройная белокурая женщина со светлыми, серо-голубыми спокойными глазами. Говорить мне с ней не пришлось, так как вскоре Василенко стал играть, и музыка овладела всеобщим вниманием и интересом. Изредка я взглядывала на Ан[ну] Мих[айловну] Фл[оренскую]. И меня прежде всего поразило сходство ее с необыкновенно милой и привлекательной моей московской знакомой Екат[ериной] Эдуард[овной] Стабут, с которой мы за последнее время как-то близко сошлись. Даже чертами лица она мне ее напоминала, особенно в профиль, те же тупые, словно срезанные черты, что я особенно люблю, полные губы с слегка приподнятой верхней губой, гладко причесанные волосы, весь простой, юный и вместе с тем степенный вид.

Я уже не раз в жизни замечала, что случайное сходство двух каких-нибудь людей имеет более глубокое значение, чем кажется на первый взгляд: сначала бросаются в глаза отдельные внешние сходные черты, потом, оказывается, сходство идет и дальше. Находишь общее и в голосе, и в манерах, и даже во всем духовном облике. Такое наблюдение не раз бывало причиной тому, что, не зная во все встречаемого в первый раз в жизни человека, на основании случайного сходства сразу чувствовала к нему симпатию или антипатию в зависимости, конечно, от лица, которое он мне напомнил собою, – так вышло и в данном случае.

До начала музыки я помню момент, когда, взглянув в окно, она вся насторожилась, ее спокойное лицо на минуту оживилось. «Вот идет папа», – быстро сказала она своему мальчику и снова приняла свою спокойную, степенную позу. Помню, что я, когда кончилась музыка, подошла к ней и невольно сказала ей: «Как я рада, что вы такая, и как я за вашего мужа теперь покойна». Не знаю, что она про меня тогда подумала.

Впоследствии, зимой, я с ней ближе познакомилась. Помню, в первый раз она пришла ко мне вечером, накануне своих именин. В этот вечер мой муж был очень оживлен и интересен. Много рассказывал про свою жизнь и научную работу в Неаполе, про аквариум в Национальном музее, про страшного спрута, про мурен, которых имп[ератор] Тиверий кормил своими рабами, бросая их со скалы в море, про электрических скатов и т.п. Анна Михайловна с напряженным

вниманием и живым интересом следила за разговором, видимо ее заинтересовавшим. Скоро и я стала бывать у Флоренских. Скажу сначала несколько слов о впечатлении, которое на меня произвел дом и вся обстановка, в которой жил и работал П.А. Когда я туда в первый раз вошла, меня приятно поразил весь общий тон уютности, чистоты и даже изящества. Несмотря на присутствие трех маленьких детей, везде царил полный порядок; вся обстановка, вещи, – все очень простое, не роскошное, но на всем отпечаток хорошего тона и стиля. Темный тон обоев, правда, несколько пестрых, ковры на стенах и на полу, фотографии, картины, – ото всего пахло на меня чем-то привычным, знакомым, милым, к чему я привыкла и чего мне здесь, в Посаде, так не хватает. Это та культурная обстановка, в которой себя просто и хорошо чувствуешь. Я познакомилась с матерью П.А., приехавшей к ним из Москвы погостить. Она оказалась мне на первый взгляд слишком безжиз-

Анна Михайловна Флоренская с детьми Кириллом, Олей и Васей. Сергиев Посад. Ок. 1920 г.

Наследие
 Менеръ перейду къ грѣтцамъ. Мѣся трае, и всю оми
 до такой
 пакаеи,
 на кауче
 старшо
 перьно
 апретом
 взглго
 Краси
 амада
 Катари

Менеръ перейду къ грѣтцамъ. Мѣся трае, и всю оми
 до такой
 пакаеи,
 на кауче
 старшо
 перьно
 апретом
 взглго
 Краси
 амада
 Катари

Дом Флоренских в Загорске. Н.И. Флоренская, сноха Павла Александровича, с коляской с его старшим внуком Павлом. Фотография М.П. Флоренского. Конец 1936 г.

ненной и неподвижной, и неподвижность эта, монументальность – особенно поразила меня в той обстановке, в которой я ее впервые увидела, – окруженную резвыми, веселыми детьми.

Сестру П.А. я видела мельком, она куда-то скрылась. Затем вошла Анна Мих[айловна] – милая, простая, приветливая, про детей скажу после, первое же впечатление было очень хорошее: красивый нервный Вася, круглый и очень симпатичный второй мальчик, который серьезно подошел ко мне и сказал: «Я – Кирилл Флоренский, а ты – Огнёва? Мы родственники, у меня прабабушка была Огненная Саламандра» (Кирилл гордился этой детской мыслью и уже взрослым показывал маленькому племяннику, как в печке или в костре бегают живущие в огне саламандры. – П.В. Ф.). Меня удивило и насмешило это вступительное обращение.

Младшая дочь – Оля, теперь моя любимица, и в первый раз меня очаровала, но об этом тоже речь впереди. Скажу сначала несколько слов об Ан[не] Мих[айловне], постараюсь подвести итоги впечатлению, которое она на меня произвела в это и в последующие с нею свидания. Прежде всего в ней бросается в глаза ее душевное здоровье, следствием которого является спокойствие, уравновешенность. Светлые глаза ее глядят спокойно и ясно, голос тихий, речь скромная, она очень застенчива и, по-видимому, даже боится

людей, хотя благодаря природному такту в ней нет угловатости и неловкости, кот[орые] обыкновенно наблюдаются у робких, застенчивых людей. Она, по-видимому, очень кротка, но, мне кажется, не пассивна, в ней ясно выражено сознание человеческого и женского достоинства. Она не экспансивна, чувства свои трудно выражает, но, думается мне, глубоко чувствует. В ней чувствуется недостаток темперамента. Если бы, при ее очень ценных качествах, его было несколько больше, все эти качества быстрее и сильнее сообщались бы окружающим, больше бы импонировали. Особенно этот недостаток замечен относительно детей, у которых темперамента столько, что его хоть отбавляй, – его они, конечно, получили от отца, который дал им его и сам не знает, как с этим даром справиться.

В ней, как я уже сказала, большая простота и незатейливость, а так как судьба толкнула ее в среду очень причудливую и затейливую, то она всегда робка, тиха, покорна; инстинктом любящей женщины она прокладывает себе в жизни верную дорогу, находит в себе способность пришлифовываться, – сама же словно ступшевывается, обезличивается и этому яркому, что всегда перед ней, дает гореть ярким светом и любит на этот свет. Я заметила, что иногда ей кажется, что она делает не то, чего от нее хотят, что ею недовольны, тогда она огорчается, и огорчение это вы-

Сергиев Посад. Фрагмент круговой панорамы с колокольни. Почтовая карточка 1910-х гг. Отмечены дома, где позже будут жить Флоренские (справа) и Огнёвы (слева) ▶

ражает слезами. Она с легкостью может заплакать, при ничтожном даже поводе, и я сама не раз видела ее плачущей, только странным образом, слезы, которые почти всегда портят женское лицо, красят ее. Лицо ее, когда она плачет, делается совсем красивым. Как-то, встретившись с нею на улице, я увидела ее озабоченной, печальной. Я спросила, что с нею. В ответ на вопрос мой она тихо заплакала и сказала, что вся жизнь ее проходит в заботах, что молодость ее уходит и жизни она совсем не видит, что она не живет совсем для себя. Серьезного значения ни слезам, ни словам ее я не придавала. Во-1^ю, они вырвались случайно, под влиянием настроения. Во-2^ю, в них я вижу что-то атавистическое: плач женщины, выходящей замуж и тем теряющей свободу, сожаление о «девичьей воле». Мы разговорились: заговорили, между прочим, на тему, как трудно быть женою крупного человека – в этом мы с нею сошлись, так как в этом отношении участь у нас с нею отчасти общая. Помню, что мы пришли к выводу, что для того, чтобы создать настоящую, прочную семейную жизнь и сделать мужа счастливым, женщина должна непременно отдать всю себя, иначе ничего не выйдет, и что это – трудный подвиг. Я ей сказала, что в данном случае стоит потрудиться и труда жалеть не надо. Впрочем, ей и не надо этого говорить. Это и есть тот скромный, незаметный подвиг, который она в жизни делает.

Мне кажется, своей элементарностью и ясностью она более всего подходит к причудливой, капризной, неустойчивой натуре своего мужа. Жизнь с ним мне не представляется легкой: она ответственна и трудна. Но тут и чувствуется то благо, которое судьба послала П.А. в лице его жены. Это – успокоительное средство, которое он всегда имеет под рукою.

Теперь перейду к детишкам. Их трое, и все они до такой степени разные, так мало друг на друга похожи, что поневоле приходится остановиться на каждом из них в отдельности. Начну со старшего мальчика – Васи. Это очень сложная, нервная, капризная натура, и потому определить его сразу, сразу окинуть его взглядом невозможно. По внешности это красивый, с тонкими чертами лица мальчик, обладающий природным изяществом и грацией, который однако очень страдает от некоторых недостатков воспитания. В нем нет выдержки, нет привычки к известной дисциплине, благодаря чему он, при сильной неустойчивости и даже истеричности, способен распускаться и часто бывает трудно выносим для своих близких. При всяком, хотя бы самом законном противодействии его воле он выходит из себя, теряет всякое самообладание и способен на самые дикие выходки. Он страшно вспыльчив, но гнев его быстро проходит. Несмотря на свои девять лет, он крайне ребячлив – свойство, которое делает его крайне привлекательным, так много в нем бывает минутами миловидности и ласки. Несомненно, он сильно и глубоко любит своих родителей, к отцу его неудержимо влечет не одно чувство кровного родства, он детским своим умом признает в нем крупного, выдающегося человека, он это чувствует, гордится им и вместе с тем невыносимо мучает его, иногда пристаёт, совсем нелепо дразнит, бывает с ним дерзко агрессивен, ревнует его ко всем, к кому он чувствует какой-либо интерес, причем нередко устраивает ему бурные сцены. Часто мне приходит на ум вопрос: передал ли что-нибудь свое отец детям, что именно и в какой мере? Несомненно, в Васе есть кое-что отцовское, некоторые случайные черты, может быть, отдельные блестящие или вспышки, указывающие

Вася Флоренский. Портрет работы Р.А. Флоренской. 1926. Холст, масло. Собрание семьи Флоренских

на то, что в мальчике заложено что-то незаурядное, но до сих пор мне не случалось подметить в нем не только гениальности, которую обладает в такой мере его отец, но даже выдающихся способностей или талантливости. Иногда, впрочем, у него является даже тонкая наблюдательность, меткое суждение и даже глубокая мысль. Зато он вполне унаследовал от отца тонкость и изящество натуры. О нем сейчас судить нельзя, он скажется в будущем, но пока правильному развитию мешают невыносимые современные условия жизни и та грубая сырая среда, в которую жизнь бросила его, я, конечно, имею в виду круг товарищей, к которым его неудержимо влечет его беспомощная, пассивная натура. Ему во всем и непременно нужен сильный внешний стимул, в себе ресурсов он не умеет найти. По существу, это очень милый и добрый ребенок, но, как слабое растение, требующий тщательного и терпеливого ухода. Он очень импульсивен, его без всякого видимого основания тянет то в ту, то в другую сторону, причем, так как интересы его более или менее случайные и не имеют более глубоких, прочных корней, ему совсем легко бросить то, к чему он, казалось бы, так неудержимо стремился, и самое упорство

в достижении цели не доживает таким образом до этого достижения. В нем эмоциональность без содержания и невозможность чем-нибудь наполнить пустоту. Отсутствие настоящего темперамента, вместо которого – нервозность, раздражительность; недостаток воли – и вместо него – капризы, порывы, легко вспыхивающие и легко потухающие.

Второй мальчик – четырехлетний Кира является яркой противоположностью Васе. Начать с того, что у него сильный темперамент и постоянно движущая им воля к деятельности. Все его интересует, на все жадно устремляется его детское внимание. Он весь горит и кипит, причем в нем ясно чувствуются признаки южной крови; все это, конечно, наследство от отца, но у него нет той тонкости и изящества, которое, как я уже раньше упоминала, составляет бросающееся в глаза свойство отца. Все в значительной степени разбавлено с материнской стороны элементарностью. Он проще, здоровее, вероятно, будет трезвее отца, из него может выйти очень толковый, способный и талантливый человек.

С внешней стороны он очень привлекателен и забавен: маленький, круглый, толстый мальчуган, он необыкновенно шумен и суетлив, вечно чего-то хочет и добивается; глаза у него так и горят, лицо выражает страстное, напряженное внимание; он говорит бойко, легко, речь льется свободно, без запинки, но при этом он чрезвычайно комично картавит, вовсе не произнося некоторых согласных и даже гласных букв – поэтому часто бывает трудно удержаться от смеха, слушая его речь.

Он очень умен и понятлив, необыкновенно наблюдателен и сметлив, часто замечания его поражают своею осмысленностью и толковостью. Ко всему, что он слышит, к книгам, которые ему читают, он относится с живейшим интересом, и на смешном детском лице его ярко отражается этот живой интерес. Все это делает его очень привлекательным и занятым ребенком. По временам однако он показывается вам и другою, менее симпатичной стороной. Он очень упрям, и капризы его иногда доходят до бурных размеров. Тут с ним трудно сладить, да, по-видимому, никто особенно и не задается этой целью; налетит шквал, помнет, поломает все кругом и унесется, останется прежний милый ребенок, хотя он не так скоро забывает неприятное, как брат его, у него более грубая натура и более жесткий нрав.

Теперь перехожу к третьему ребенку, двухлетней Оле, которая, на мой взгляд, из них самая привлекательная и интересная. Ее никак нельзя назвать красивым ребенком, она скорее даже некрасива, но у нее необыкновенно много того, что французы называют «la charme», а по-нашему –

Рисунок Кирилла Флоренского. Подпись рукой П.А. Флоренского: «1924. XI. 27. Кира нарисовал в подарок маме – маме и себя самого»

обаятельности. Игра ее милого, симпатичного личика выражает такую гамму разных чувств, что на нее так и хочется смотреть: все оттенки самых разнообразных ощущений, начиная с негодования, гнева, укора, кончая самой очаровательной лаской, игривостью и детским бессознательным кокетством. Все это быстро и почти без переходов сменяет одно другое, все мелькает, искрится, и во всем столько грации и забавности. Теперь

относительно характера: темперамент в ней сильный, сильна эмоциональность и нервозность, но нервозность не болезненная, а скорее повышенная. Она спокойный ребенок, когда физически здорова. Зато всякое нарушение физической благосостоятельности бурно действует на здоровье душевное. Тогда она вся делается жертвой обуревающих ее волнений, чтобы не сказать страстей. Она быстро теряет равновесие, выходит из себя

Поздравление от Васи: «Дорогому Папе 13 н. 1919». Бумага, акварель

Ольга Павловна Флоренская. Портрет работы Р.А. Флоренской. Холст, масло. 1926. Собрание семьи Флоренских

и впадает, как я называю, в истерику, причем даже падает, как сноп, на пол.

<Это – милый, приветливый ребенок.>¹¹ Чисто женские свойства в ней очень сильно развиты. Но и привлекательность ее носит также исключительно бурный характер, при всем этом она несомненно склонна к мечтательности и сентиментальности, что мне не раз приходилось подмечать.

Она очень умна и уже сейчас обладает большим тонким умом, и, мне кажется, ей более, чем другим детям, передалась талантливость отца, которого и по внешности, и по внутренним свойствам очень напоминает. Во всяком случае, можно утвердительно сказать, что это натура незаурядная и многообещающая.

Из беглого поверхностного взгляда на всех трех детей, мне кажется, видно, как мало они

друг на друга похожи и какую оригинальную и своеобразную фигуру каждый из них представляет. Одно в них общее – это пылкость их нрава и неудержимость их порывов и желаний. Что они унаследовали эти свойства от отца – для меня несомненно, но тут невольно приходится остановиться и [с] изумлением посмотреть на П.А. Он отличается редкой выдержкой и самообладанием. Человеку, мало его знающему, он может показаться даже холодным, бесстрастным, равнодушным. По всей вероятности, это далось ему очень трудной и упорной работой над собой. Надо надеяться, что и младенцам удастся также воспитать и обуздать себя.

Юные члены семьи издают звук воробьиный.

Я набросала здесь самый беглый очерк и короткую характеристику всех членов семьи, с которой судьба меня столкнула в моем временном и случайном пристанище – Сергиевом Посаде.

Мне кажется, для полноты очерка необходимо сказать несколько слов о матери А.М. Ф., которая представляет собой ту незаметную часть механизма, которая помогает приводить в движение всю сложную домашнюю машину. Надежда Петровна Гиацинтова – пожилая, но еще бодрая, энергичная женщина, совсем простая, но умная, обладающая в значительной степени и характером, и пониманием того, что она должна делать. Она вечно в хлопотах и хозяйственных заботах, вся живет для семьи и интересами семьи. В ней нет мягкости, нежности, внешней ласковости, но сквозь эту твердую оболочку чувствуется ярко ее любовь ко всем, и дети, по-видимому, любят суровую бабушку. Благодаря ей неизбежная серая, будничная сторона жизни Фл[оренских] как-то мало видна, по-видимому, мать несет на себе главную часть черной домашней работы и несет ее охотно, вкладывая в это дело свою душу.

Я очень скоро привыкла ко всей семье, и жизнь и интересы обитателей маленького розоватого домика, красиво расположенного на откосе горы (с деревянным белым забором, террасами спускающимся под гору), незаметно сделались для меня и важными, и значительными. Мало того, они как-то заслонили от меня мои личные заботы и тяжелые мысли и воспоминания, до тех пор со всех сторон меня осаждавшие. Я стала немного от всего отдыхать. Хорошо мне стало от присутствия детей, ласковых и привязчивых. Невольно пришлось вспомнить старые забытые сказки, рассказы из детской жизни моих сыновей, и дети не могли достаточно послушаться этих рассказов, заставляли без счета их повторять, – и я видела их

¹¹ Приписано карандашом.

восторженные лица, горящие интересом глазки, устремленные на меня, и, глядя на них, мне самой делалось хорошо, даже весело. Особенно с маленькой Олей у меня завязались совсем особые отношения. Что я к ней привязалась всей душой – это немудрено, это такой удивительно милый ребенок, но что она меня так полюбила, это мне даже непонятно. А привязанность ее ко мне совсем исключительная: несомненно, что я для нее стала близким, родным человеком, и это дает столько тепла и радости.

Много для меня сделал сам П.А. Влияние его на меня совсем исключительное и вот почему: за последнее время мысль моя как-то вдруг перестала работать: я ни на чем не могла больше пристально остановиться, обдумать; даже дослушать до конца чужую мысль мне стало трудно. Это было неприятно до жуткости, но, думаю, я сама была в этом виновна. Я уж очень старалась гнать от себя тяжелые мысли и воспоминания, а вместе с ними отогнала и другие, – старалась «не думать» – и на самом деле перестала думать. Пе-

редо мной вместо связных мыслей проносились, словно фигуры в калейдоскопе, постоянно множась, обрывки мыслей, случайные образы, мимолетные впечатления. Разговоры П.А. как-то вдруг столкнули меня с мертвой точки, дали новый толчок мысли. В мозгу что-то зашевелилось, и мысль опять пришла в действие. Вопросы, которые мы так часто затрагивали, были так новы, имели такой захватывающий интерес. Хотелось глубоко проникнуть в его мысли, ясно понять то, что казалось туманным, непонятным. Мы стали часто видеться, на счету сделались дни, в которые мы не виделись, и под конец их почти не было. А тут еще к концу лета у него вошло в привычку, очень для меня ценную, читать мне вслух иногда стихи (больше В[яч.] Ив[анова]), иногда свои сочинения: то отрывки из личных воспоминаний, то старые письма, то записанные или даже зарисованные им сны, исключительно мистического характера, то фрагменты из готовящихся к печати работ: «Философия культа», лекции по искусству «об обратной перспективе», то лекции

Г.С. Горюхов. Загорск. 1930-е гг. Собрание семьи Флоренских

«о языке». Чтения эти мне доставляли огромное удовольствие: чувствовалось, как мало-помалу рассеивается туман, густо обволакивающий его мысли, затейливые и причудливые, и сам он, такой загадочный и часто непонятный, становится понятнее и ближе.

В маленьком домике царит какой-то уют, спокойствие. В сад выходит терраса, на которой так хорошо сидеть, из сада открывается вид на далекое поле и лес, видна линия железной дороги с проходящими по ней поездами. Передо мной скромно протекает интимная жизнь тесной и дружной семьи. Хотелось бы отметить еще одно характерное обстоятельство: сам П.А., центральная фигура всей семьи, серьезный ученый, часто озабоченный, никогда и ни в чем не является помехой для своих домашних, не стесняет их, как большею частью в таких случаях бывает; наоборот, когда его нет, его отсутствие неприятно чувствуется, словно недостает живой души в теле. С детьми он бывает по временам очень забавен, сам словно обращается в ребенка. Пугает их ведьмами, лешими, бабой-ягой (багой, как говорит Оля), водяными, русалками, разными невидальями, мистическими и фантастическими существами, и дети, за исключением Васи, по-видимому, вполне уверены в этом сказочном мире, кот[орый] то нагоняет на них страх, то вызывает к себе живой интерес. Они стараются привыкнуть к чудным обитателям этого мира, вступить с ними в мирные приятельские отношения (конечно, для того, чтобы не так страшно было). Иногда ясность и безмятежность настроения на-

рушается у меня грустными размышлениями: к чему все это? Зачем я так привыкаю ко всему, что не мое, чужое? Долго ли продержится и на чем, наконец, будет держаться то здание, которое я с таким увлечением строила? От таких мыслей пробирает иногда словно холод, потом приходит в утешение другая мысль: может быть, это не случайно, может быть, тут есть другой высший смысл, нам неизвестный, наконец, вмешательство провиденциальной силы, а все таки: «Ships that pass in the night...»

*Корабли, которые встречаются ночью,
переговариваются,
проходя мимо.
Дается короткий сигнал, слышен отдаленный
голос в темноте,
Так и в житейском океане мимолетная
встреча, приветливый взгляд, голос,
И затем – опять тьма и молчание...¹²*

С.И.

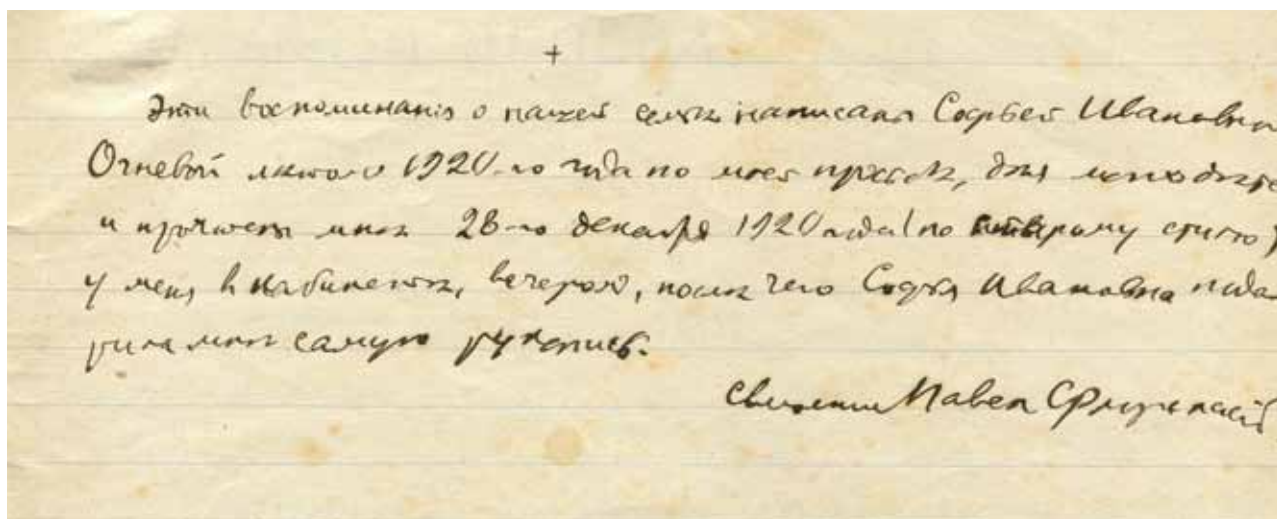
* * *

Эти воспоминания о нашей семье написаны Софьей Ивановной Огневой летом 1920-го года по моей просьбе, для моих детей и прочтены мне 28-го декабря 1920 года (по старому стилю) у меня в кабинете, вечером, после чего Софья Ивановна подарила мне самую рукопись.

Священник Павел Флоренский

*Публикация и примечания Е.П. Крюковой,
А.И. Олексенко, П.В. Флоренского*

¹² Вероятно, перевод с англ. С.И. Огнёвой.

Письмо П.А. Флоренского на заключительном листе рукописи С.И. Огнёвой «Отрывок из "Воспоминаний"»

◄ На лестнице террасы дома в Сергиевом Посаде. Слева направо: Анна Михайловна с Миком, Вася, Павел Александрович, Оля и Кира. Лето 1922 г.

Послесловие

Родоначальником Флоренских справедливо считается Иван Андреевич (1815–1866). Вышедший из семьи сельского дьячка и ставший военным врачом, дослужившимся до чина полковника, кавалер военных орденов, давший своим потомкам дворянство, а также активность, энергию, волю, пассионарий, по терминологии Л.Н. Гумилева.

Как известно, 46 хромосом родоначальника сокращается в потомках и в седьмом поколении остается в лучшем случае только одна. На седьмом поколении, через 150–200 лет род кончается. Это естественно. В третье тысячелетие Флоренские вошли молодым седьмым поколением; «Отрывок из “Воспоминаний”» относится к третьему и четвертому поколениям, но важно сказать и о последующих поколениях, завершающих род Флоренских.

Священник Павел принадлежит к третьему поколению Флоренских, впитавшему кровь карабахских меликов, которые прослеживают свое родословие до Адама. Он и его дети находятся в месте золотого сечения рода. Именно эту высшую точку Флоренских и описывает «Отрывок из “Воспоминаний”». По-моему, это одно из наиболее ярких описаний П.А. Флоренского, которое оставляю без комментариев. Описания его матери, Ольги Павловны (1859–1951), и тещи Надежды Петровны Гиацинтовой (1862–1940) достаточно кратки и справедливы, ибо касались уже сформировавшихся людей. Эти характеристики являются просто констатацией.

Иное дело моя бабушка, Анна Михайловна (Гиацинтова; 1879–1973), которая в значительной степени определила будущее потомков Ивана Андреевича Флоренского. Удивительно точен ее внешний портрет: хрупкая, беззащитная, полностью растворившаяся в сложном характере мужа и всех близких. Внешне она и казалась такой всегда. В действительности же стала, когда это потребовала от нее жизнь, очень сильным человеком, но умела это скрывать, прятать в своей уди-

вительной доброте. Она мягко, ласково, постоянно уступая и мало кому противореча, вела по жизни своих детей и внуков, распределяя, как считала должным и стараясь не вызывать ревность, свою к нам любовь, свои заботы и даже перераспределяя материальные блага. Как обманулась Софья Ивановна и обманывались все мы, будучи покоренными добротой, мягкостью, неконфликтностью Анны Михайловны. Как часто она меняла свои решения, когда мы, любящие ее, просили остаться пожить у нас в Москве еще денек-другой. А теперь, спустя сорок лет после ее смерти, когда семья развивалась и трансформировалась без нее, я вижу, что это был человек чрезвычайно мудрый, обладавший громадной волей, спрятанной в доброте. После ареста своего мужа она сумела полностью сохранить его семью, сохранить в верности, гармонии. Она сохранила дом, хотя и были после смерти моего отца попытки продать часть его, она сберегла как единое целое всю семью, она воспитала в нас благоговейное к памяти деда отношение. Она сумела создать культ Павла Александровича не только у его потомков, но и у приближавшихся к семье. Такие люди назывались, чтобы уподобить их внукам, «привнученные». Среди них назову Толю Просвирнина, позже архимандрита Иннокентия¹, первого, наряду с К.П. Флоренским, публикатора трудов П.А. Флоренского после десятилетий умолчания о нем. Поэтому и я посвятил деду более полувека из прожитых семидесяти четырех. Меня, по-моему, она особенно любила и многое мне доверяла (впрочем, так о себе думает большинство внуков). Она отдала мне, скрыв это от других, всю переписку деда для работы, хотя при ее жизни почти ничего из дома не уходило: ни вещей, ни тем более бумаг.

Умерла бабушка 18 марта 1973 года в окружении детей и внуков. Помню, что держал ее левую руку. А потом комната наполнилась удивительным ароматом. «Вы фантазируете, – сказал мне близкий друг нашей семьи и почитатель бабушки,

¹ Анатолий Иванович Просвирнин (1940–1994) – архимандрит Иннокентий. В 1960-е годы – студент Московской духовной академии; позже – историк Русской православной церкви, археограф, педагог. Принимал активное участие в работе издательского отдела Московской патриархии (в частности, значителен его вклад в подготовку к печати многотомной «Книги русского священнослужителя»; книги-альбома «Троице-Сергиева Лавра», до сих пор остающейся одной из лучших книг, посвященных обители преподобного Сергия; десяти томной иллюстрированной Русской Библии). Автор ряда исследований, член редколлегии «Журнала Московской Патриархии», заместитель главного редактора ежегодного сборника «Богословские труды». Состоял членом Археографической комиссии Академии наук СССР (ныне РАН), Международного фонда славянской письменности и культуры, Славянского фонда России. Скончался после нападения уголовников.

архиепископ Новгородский Сергей (Голубцов). – Этого не бывает». Много позже он вдруг вернулся к моему рассказу: «А вы знаете, я говорил со старцами, и они сказали, что такой аромат бывает, когда сюда к нам приходят из иного мира...» Когда у нас в детстве спрашивали, кого мы больше всего любим, обычно называли именно бабушку.

Заслуживают особого анализа приведенные в воспоминаниях характеристики трех старших детей П.А. Флоренского, представителей четвертого поколения, тоже стоящих у золотого сечения рода. О них рассказывается, когда им было всего 9, 5 и 3 года. Теперь, спустя почти столетие, интересно сравнить то, как они виделись в детстве, с тем, как они прожили жизнь. Уже говорилось, что о существовании «Отрывка из “Воспоминаний”» никому не было известно. Некоторые созвучия «Отрывка» есть в «Завещании» Флоренского, в той части, что написана в ночь с 19 на 20 марта 1921 года. Вот этот текст:

«Привыкайте, приучайте себя все, что бы ни делали вы, делать отчетливо, с изяществом, расчлененно; не смазывайте своей деятельностью,

Вася Флоренский. Сергиев Посад. 1929

не делайте ничего безвкусно, кое-как. Помните, в “кое-как” можно потерять всю жизнь, и напротив, в отчетливом, ритмичном делании даже вещей и дел не первой важности можно открыть для себя многое, что послужит вам впоследствии самым глубоким, может быть, источником нового творчества. Почему-то в этом отношении я спокоен за Олечку и отчасти за Киру и более всего опасаясь, что мой первенчик Васенька оплошает и будет жить спустя рукава. Дай Господи, чтобы это было не так. Но опасаясь, что Вася выйдет в своего дядю Шуру...»

Дядя Шура – брат Павла Александровича, Александр Александрович (1888–1938), замечательный геолог, первооткрыватель цинкового месторождения Квайса, главного достояния Республики Южная Осетия. В Первую мировую войну, во время отступления из Вана, будучи офицером, А.А. Флоренский спас от резни сотни армянских женщин с детьми. Братья были очень разные, А.А. Флоренский постоянно был в гуще событий, в экспедициях, среди людей, окруженный любимыми и любящими учениками, которые заменяли ему семью. Человек увлекающийся, он мог менять темы своих научных исследований, не доведя их до публикации. Все кончилось в 1937 году его арестом. Он погиб от истощения или был расстрелян в Магаданском лагере в 1938 году.

Я не могу, да и не должен нейтрально относиться ко всему, что говорится о моем отце, Василии Павловиче Флоренском. В первые моменты облик девятилетнего Василия поразил меня полным несоответствием моему восприятию отца, каким он казался мне, однако написанное Софьей Ивановной созвучно тому, что пишет о нем дед в «Завещании». Василий действительно был тонок и легко раним, что усугублялось его эмоциональностью и в детстве могло восприниматься как слабость и несобранность. Описанные сцены, по-моему, были просто конфронтацией и сценой ревности. Рассказ о взаимоотношениях Василия с отцом объяснил мне многое, и не только по отношению ко времени, описанному в «Отрывке». В «Отрывке» более всего выделилась ревность Василия – как я от нее страдал через десятилетия! Она проявлялась и в отношении отца ко мне, и в моем – к отцу! В данном же случае, по-моему, именно Софья Ивановна была причиной происшедших на ее глазах ссор Василия с отцом, что она, конечно, не пожелала заметить. На первый план выступила безумная любовь Василия к отцу и вытекавшая отсюда ревность к Софье Ивановне за себя и за свою мать.

Кроме того, ссоры Василия с отцом были вызваны достаточно понятным подсознательным желанием сына вырваться из-под его влияния.

Кирилл Флоренский. Рисунок В.А. Фаворского. Бумага, карандаш. Ок. 1927 г.

Оля Флоренская. Рисунок В.А. Фаворского. Бумага, карандаш. 1927

Я это знаю по себе, с горечью вспоминая свои ссоры с отцом именно в этом полудетском возрасте. Отцовская власть бывает гипнотической, абсолютной, но это становится понятным, а потому прощательным много позже. Тем не менее я знаю, какой любовью и вниманием, особенно отцовским, был в детстве окружен когда-то мой отец и как он сам был внимателен к своим четверым детям.

Это сказалось в том, что и Василий, и Кирилл рано стали настоящими учеными, создателями научных школ, существующих и поныне. Будучи тонким и легко уязвимым, Василий был навечно травмирован в страшную ночь 26 февраля 1933 года, когда в комнату в Проломном проезде, где он жил с отцом, пришли чекисты и арестовали Павла Александровича Флоренского, сотрудника ВЭИ, его отца. Василий всю жизнь боялся милиционеров. После ареста отца он и его брат Кирилл стали кормильцами семьи, отдавая практически все заработанное матери. Более того, уже в 1935 году, когда назревала женитьба отца, дед писал ему о долге заботиться о семье и практически переложил на него материальную ответственность за свою жену и детей. Отец взял на себя эту ответственность как обет и всю свою жизнь содержал мать и помогал сестрам, отдавая им половину заработанного.

Свою упорядоченностью, целеустремленностью и талантом ученого он опроверг тревожные прогнозы своего отца. Василий Павлович Флорен-

ский умер от скоротечного рака 5 апреля 1956 года в возрасте 44 лет. Я был рядом с ним, и его последние слова были обращены ко мне. Его влияние на меня было очень сильным, и он так же, как его отец, умирая, поручил мне содержать семью – маму, брата-студента и двух сестер-школьниц.

Все четверо детей Василия стали геологами: Павел (1936), Иван (1937), Татiana (1940), Мария (1942). Теперь у него младшие потомки: пятеро внуков и десять правнуков.

Говоря о Кирилле (1915–1982), Софья Ивановна оказалась, напротив, удивительно точна. Вся жизнь Кирилла – это Поступок, хотя со стороны он не производил впечатления решительного и волевого человека благодаря сформировавшейся у него сдержанности характера, которую порой ошибочно принимали за флегматичность. С детства он был участником геологических экспедиций, а в конце 1930-х годов стал личным лаборантом В.И. Вернадского и его любимым и последним учеником. В 1942 году Кирилл был призван в армию. Как командир дивизионной артиллерийской разведки был постоянно на передовой, прошел от Сталинграда до Берлина. После демобилизации продолжил работы по геохимии, был среди родоначальников современной традиции изучения Тунгусского феномена (возглавлял экспедиции Комитета по метеоритам АН СССР к месту катастрофы в 1953, 1958 и 1961 гг.). Позже

занимался планетологией. Он одним из первых держал в руках грунт Луны, готовил аппараты для полетов на Луну и Венеру, став одним из основателей новой науки – сравнительной планетологии. Он оставил после себя успешно работающий коллектив, школу продолжателей своего дела. У Кирилла трое детей – ботаник Кира (1941) и геологи Владимир (1947) и Александр (1948); 13 внуков и 17 правнуков.

Восторженно поэтический очерк посвятила Софья Ивановна дочери Павла Александровича, двухлетней Оле (1918). Это понятно, у С.И. было три уже взрослых сына, но не было дочери и внуков, а Оля была тогда самой младшей. Сильный характер и целенаправленность Оли Софья Ивановна описала несомненно правильно. Ольга, отмечая преграды, «шла напролом», как писал ей отец, и уверенно формировала свою судьбу, которая сложилась достаточно благополучно. В школе она росла в компании одноклассников и друзей брата Кирилла. Во время учебного 1933/34 года ее изгнали из школы как дочь «врага народа», в конце концов восстановили, но травма осталась. Училась она на биофаке МГУ, работала по специальности. В 1946 году вышла замуж за С.З. Трубачева, музыканта, в будущем церковного композитора. У нее трое детей: Ольга (1947), музыкант; Мария (1951), искусствовед; Александр (1952) – игумен Андроник, создатель музея П.А. Флоренского и издатель его трудов; трое внуков и один правнук.

Чувство бабушки Софья Ивановна Огнёва потом поочередно переносила на младших детей Флоренского – Михаила (1921) и Марию-Тинатин (1924). На их глазах арестовали отца в мае 1928 года, после чего его сослали в Нижний Новгород.

Михаил, родившийся в 1921 году, на следующий год после написания «Отрывка», стал главным предметом внимания Софьи Ивановны. Он сидит вместе с нею на фотографии, сделанной в кабинете Павла Александровича около 1926 года. Через него П.А. Флоренский передает поклоны Софье Ивановне с Дальнего Востока, называя ее «микина Катя». Михаил окончил школу в 1939 году, был призван в армию, воевал, в 1945-м был демобилизован по контузии. Стал нефтяником, специалистом по бурению скважин. Погиб в 1961 году на Камчатке. У него две дочери, обе врачи, Юлия (1947) и Елена (1952); четверо внуков и четверо правнуков.

Младшая дочь Флоренского – Мария-Тинатин, Тика (1924), – третья любимица Софьи Ивановны. О занятиях с нею музыкой она писала Павлу Александровичу в Соловки и через Тику получала поклоны после 1935 года. Закончив школу в 1941 году, Тика работала химиком сначала в геологических организациях, а потом на заводе.

Подвожу итоги. У Павла Александровича и Анны Михайловны Флоренских пятеро детей, 12 внуков, 25 правнуков и пока 32 праправнука. Род Ивановичей Флоренских, начавшийся в первой половине XIX века, в высокой точке истории России, пережил свой максимум, свое золотое сечение в трагическую первую половину XX века и растворился в начале третьего тысячелетия. Лишь три молодых носителя родового имени будут передавать его будущим, новым Флоренским. Это внук Кирилла – юноша Павел и потомки старших сыновей в каждом поколении, правнуки Василия – Иван и Александр. Род – семь поколений – Флоренских прошел свой полный цикл от Ивана до Ивана.

П.В. Флоренский

Софья Ивановна Огнёва с Миком в кабинете П.А. Флоренского. Загорск. Около 1926 г.